

На правах рукописи

Протоиерей Суворов Вадим Геннадьевич

**Учение о первенствующем епископе в русском
православном богословии в XX веке**

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора богословия

Москва

2018

Работа выполнена на кафедре внешних церковных связей и общественных наук религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования Русской Православной Церкви «Общecerковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия».

Научный консультант: протоиерей Максим Евгеньевич Козлов, кандидат богословия, профессор Московской духовной академии, председатель Учебного комитета Русской Православной Церкви.

Официальные оппоненты: архимандрит Филипп (Вениамин Владимирович Симонов), доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, заведующий кафедрой истории Церкви исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

протоиерей Алексей Марченко (Марченко Алексей Николаевич), доктор церковной истории, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теологии Регионального института непрерывного образования Пермского государственного национального исследовательского университета

протоиерей Олег Александрович Агапов, доктор богословия, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теологии Самарского государственного университета путей сообщения, проректор по научной работе Самарской духовной семинарии.

Ведущая организация: Религиозная организация — духовная образовательная организация высшего образования «Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»

Защита состоится «14» февраля 2019 г. в 10.00 на заседании Общецерковного докторского диссертационного совета по адресу: Россия, Москва, Пятницкая улица, 4/2с1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Автореферат разослан _____

Ученый секретарь Общецерковного докторского диссертационного совета

проф. Д.В. Шмонин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Краткая история вопроса. Актуальность исследования.

XX век стал веком экклезиологии в христианском богословии. Поиск богословского ответа на вопрос о том, что же есть Церковь, какова ее сущность и каким должно быть ее устройство, чтобы оно соответствовало этой сущности, продолжается и поныне.

Центральное место в православной экклезиологии занимает учение о епископате. Неразрывная связь Церкви и епископа была осознана в Церкви с древнейших времен и выражена краткой формулой свт. Киприана Карфагенского: «Церковь в епископе и епископ в Церкви».

Особую роль в канонической структуре Церкви играет фигура первенствующего епископа, значение и функции которого зафиксированы в древнейшем каноническом предании: «Епископам всякого народа подобает знати перваго в них...» (34-е Апостольское правило). Концовка этого канона указывает на его связь с триадологией: структура Церкви, установленная этим правилом, призвана обеспечивать соответствие земного устройства Церкви ее вечной онтологической сущности, несущей в себе образ Троической жизни.

Фундаментальное значение первенствующего епископа в жизни и учении Церкви во всей полноте проявилось в трагической истории церковных разделений. Различие во взглядах на природу и функции универсального первенства, наряду с соперничеством Престолов Ветхого и Нового Рима, привели в XI веке к великому разделению Церкви на Западную — Римско-Католическую, и Восточную — Православную. Позднее, в XVI столетии, противодействие папскому абсолютизму на Западе привело к появлению протестантских церквей, в XIX столетии — к отделению Старокатолической Церкви.

В XX веке это побудило Римскую Церковь искать новые пути осмысления папского примата, которые могли бы стать приемлемыми для тех, кто разорвал церковное общение с Римом. На II Ватиканском соборе Римско-Католическая Церковь предприняла беспрецедентную попытку совместить традиционное

католическое учение о папском примате с некоторыми принципами православной эkkлезиологии. Существенное влияние на эту реформу оказали идеи, высказанные в XX веке православными богословами русского происхождения.

Вопрос о полномочиях первенствующего епископа стал в XX столетии одним из важнейших и в Православной Церкви. В результате произошедших в XIX – XX веках геополитических изменений Поместные Православные Церкви оказалась в совершенно новых условиях, потребовавших нового взгляда на роль первенствующего епископа.

После произошедшего в XI столетии разделения с Римом предстоятель кафедры «второго Рима» — Константинополя занял первенствующее положение среди Поместных Православных Церквей. Первоначально его первенство имело естественную опору в близости к византийскому императору. Постепенное ослабление Византийской империи и рост Русского государства привели к появлению на севере еще одного влиятельного церковного центра — «Третьего Рима» — Москвы.

После падения Византийской империи и захвата в 1453 г. турками ее столицы — Константинополя власть и влияние Константинопольского патриарха среди Православных Церквей на Востоке только усилились. В Османской империи Константинопольский патриарх приобрел статус «миллет-баши» — административного главы и представителя всего православного населения империи. Без его посредничества патриархи прочих Православных Церквей, оказавшихся на территории Османской империи, не могли получить утверждения своего избрания и вступить в сношения с правительством султана. В результате в османский период восточные патриархи, будучи формально равными Константинопольскому патриарху, *de facto* оказались полностью от него зависимыми.

До распада Османской и Российской империй Православные Церкви на их территориях существовали изолированно друг от друга, находясь в орбите своих центров — Константинополя и Москвы. Однако уже события второй половины XIX века заставили отдельных православных богословов с тревогой

констатировать, что отсутствие единого вселенского центра, изоляционизм национальных Поместных Церквей, недостаток четких механизмов совместного решения спорных вопросов начинает становиться серьезной проблемой. Об этом ярко свидетельствовали события греко-болгарской схизмы 1872 г., вызвавшие горячий отклик в России¹. Греко-болгарская схизма еще более заострила до конца не решенный в Православии вопрос о значении государственно-политического и национального факторов в церковном устройстве. В 1872 г. Поместный Собор в Константинополе осудил «филетизм» — племенное деление в Православии — и объявил Болгарскую Церковь схизматической.

В XX веке сложившийся за прошлые столетия status quo в православном мире окончательно изменился. В 1923 г. прекращает свое существование Османская империя. На территории новых независимых государств одна за другой возникают новые национальные автокефальные Церкви, что становится небывалым явлением в жизни Православной Церкви. С распадом империи Константинопольский патриарх утрачивает прежнее влияние среди Поместных Православных Церквей, ранее находившихся под турецкой властью. Это толкает Константинопольский Патриархат на поиски новых оснований своего первенства.

В начале 20-х гг. XX века Константинополь предпринимает попытку обосновать особые вселенские права и полномочия Константинопольского первоиерарха как вытекающие из его первенства, якобы неотъемлемо ему принадлежащего, независимо от условий политики и истории. Это сближает предложенное Константинополем понимание первенства с католической трактовкой примата вселенского первоиерарха и дает основание богословам XX века говорить о появлении в Православной Церкви новой теории «восточного папизма».

Наиболее последовательное противодействие данная теория встретила со стороны богословов Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви.

---

¹ Подробнее о греко-болгарском конфликте и его оценке в церковных и культурно-общественных кругах России см.: *Венедиктов В.Ю.* Россия и Константинопольский Патриархат. Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского Патриархата во второй половине XIX века. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011.

Вместе с тем, богословы русской эмиграции, вошедшие вслед за митр. Евлогием (Георгиевским) в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, стали защищать расширенное толкование преимуществ Вселенского Престола.

Окончательный распад Османской империи и претензии Константинополя на новую роль в мировом Православии совпали с периодом ослабления Русской Церкви во время революции и гражданской войны 1917-1923 гг. Великие социальные и политические потрясения, постигшие Российскую империю в начале XX века, повлекли за собой утрату связи с Москвой ряда церковных структур, ранее находившихся в юрисдикции Русской Церкви. Некоторые из них (в Польше, Финляндии, Эстонии, Латвии, Западной Европе) для восстановления канонической связи с Вселенской Церковью обратились к Константинопольскому Престолу как первенствующему среди Поместных Православных Церквей. Это послужило началом болезненных конфликтов между Московским и Константинопольским Патриархатами, которыми был ознаменован весь XX век. Первопричиной этих конфликтов стало различное понимание полномочий вселенского первоиерарха. Существенную роль здесь также сыграли претензии на всемирное лидерство со стороны Советского Союза после победы во Второй мировой войне и другие политические факторы.

Наряду с «парадом автокефалий», еще одним новым явлением в жизни Православной Церкви в XX столетии стало появление многочисленных православных диаспор (в том числе русской) на территории других государств — как имеющих свою поместную Православную Церковь, так и не имеющих. В 20-е гг. XX века Константинопольский Патриархат выдвинул теорию о необходимости подчинения всей православной диаспоры первенствующему Константинопольскому Престолу. Применение данной теории на практике вызывало ряд конфликтов и богословскую полемику с Московским Патриархатом.

Болезненную остроту приобрел вопрос об автокефалии и условиях ее провозглашения. Иерархами и богословами Константинопольского Патриархата была выдвинута теория о том, что право предоставления автокефалии

принадлежит первенствующему Константинопольскому Престолу, или же на провозглашение новой автокефалии требуется, по крайней мере, его согласие. Неприятие Константинополем в 1970 г. акта предоставления автокефалии Православной Церкви в Америке вызвало негативную реакцию даже в среде сторонников особых полномочий Вселенского Престола.

Вопросы о диаспоре, церковной автокефалии и способах ее провозглашения, как и вопрос о диптихе, до настоящего времени не решены Православной Полнотой и были включены в число тем готовящегося с 1920-х гг. Всеправославного Собора². Нерешенность указанных вопросов напрямую связана с неразработанностью в Православной Церкви учения о первенствующем епископе. Отсутствие единой позиции по данной проблеме не только представляет серьезную угрозу для церковного единства и продолжает приводить к конфликтным ситуациям во взаимоотношениях между Поместными Церквями, но и вредит делу православного свидетельства перед инославным миром.

Крайне негативно отсутствие единой православной позиции сказывается на диалоге с Римско-Католической Церковью. В настоящее время отсутствие четкой единой позиции в понимании универсального первенства среди Поместных Православных Церквей является серьезным препятствием в работе Смешанной комиссии по православно-католическому богословскому диалогу.

В 2013 г. Священный Синод Русской Православной Церкви принял документ, подготовленный Синодальной Богословской комиссией: «Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви»³. Необходимость подготовки данного документа объяснялась событиями, произошедшими в 2007 г. на заседании Смешанной комиссии по богословскому диалогу между Православной Церковью и Римско-Католической Церковью в итальянской Равенне, когда в отсутствие делегации Русской Церкви и без учета ее мнения был принят документ на тему: «Экклезиологические и канонические

---

² Актуальное состояние данной проблематики в межправославных отношениях представлено в работах А. Шишкова, А. Кырлежева и др. (см. ниже обзор литературы).

³ Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481089.html> (дата обращения: 28.12.2013).

последствия сакраментальной природы Церкви»⁴. Изучив Равеннский документ, Русская Православная Церковь не согласилась с ним в той части, где речь идет о соборности и примате на уровне Вселенской Церкви.

Сессия в Равенне ознаменовала собой новый виток в противостоянии между двумя Патриархатами — Константинопольским и Московским. В одностороннем порядке, без согласования с другими Поместными Православными Церквями митрополитом Иоанном (Зизиуласом) в состав комиссии были включены представители так называемой «Эстонской Апостольской Церкви», созданной в 1996 г. Константинопольским Патриархатом на канонической территории Московского Патриархата. В результате делегация Московского Патриархата была вынуждена покинуть зал заседаний⁵.

В отсутствие представителей Московского Патриархата в итоговый документ Комиссии была включена формулировка о роли Константинопольского Патриархата, которая уже опротестовывалась делегацией от Русской Православной Церкви на встрече в Белграде в 2006 г. Согласно данной формулировке, критерием единства со Вселенской Церковью на Востоке после разделения с Западом считалось общение с Константинопольским Престолом, в то время как на Западе — общение с Римом (См.: п. 39).

По оценке, данной митрополитом (в то время — епископом) Иларионом (Алфеевым), возглавлявшим делегацию от Русской Православной Церкви, указанная формулировка отвечала как интересам представителей Константинопольского Патриархата, так и Римско-Католической Церкви. Константинополь таким способом подчеркнул свой особый статус среди прочих Поместных Православных Церквей, а Рим попытался показать, что католическое учение о первенстве во многом схоже с православным. Константинопольский

---

⁴ Ecclesiological and Canonical Consequences of the Sacramental Nature of the Church. Ecclesial Communion, Conciliarity and Authority. Ravenna, 13 October 2007. URL: <http://orthodoxeurope.org/page/14/130.aspx#2> (дата обращения: 28.10.2007).

⁵ См.: Делегация Московского Патриархата покинула заседание Смешанной комиссии по православно-католическому диалогу. URL: <http://www.patriarhia.ru/db/text/306298.html> (дата обращения: 11.10.2007).

Патриархат стремится через посредство православно-католического диалога подчеркнуть роль Вселенского Патриарха как своего рода «восточного папы»⁶.

Русская Православная Церковь продолжила участие в работе Смешанной комиссии в 2009 и 2010 гг. на заседаниях, посвященных обсуждению очередного документа «Роль Римского епископа в церковном общении первого тысячелетия». В результате возникших разногласий, Смешанная комиссия так и не смогла принять итогового документа на этих встречах.

В 2016 г. в Кьети XIV пленарная сессия Смешанной комиссии рассмотрела совместный документ «Соборность и первенство в первом тысячелетии: на пути к общему пониманию для служения единству Церкви»⁷. Благодаря активному участию Русской Православной Церкви в документе был отмечен ряд принципиальных моментов. В частности, было подчеркнуто, что Римская кафедра «имела первенство чести» (п. 15); апелляции к епископу Римскому с Востока «выражали общение Церкви, однако епископ Римский не имел канонической власти над Церквами Востока» (п. 19). Документ был принят Смешанной комиссией, однако делегация Грузинской Православной Церкви сделала заявление, в котором выразила несогласие с отдельными параграфами документа⁸.

В 2008 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви принял определение «О единстве Церкви»⁹. В данном документе была выражена глубокая озабоченность «в связи с тенденциями пересмотра канонической традиции, проявляющимися в высказываниях и действиях некоторых представителей Святой Константинопольской Церкви». В документе отмечалось, что отдельные иерархи и богословы Константинопольского Патриархата развивают новую эkkлeзиологическую концепцию, согласно которой:

---

⁶ См.: *Иларион (Алфеев), еп.* Эхо равеннского скандала. Кому был выгоден выход Московского Патриархата из православно-католического диалога? URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/312656.html> (дата обращения: 28.10.2007).

⁷ Synodality and Primacy During the First Millennium: Towards a Common Understanding in Service to the Unity of the Church. URL: <https://panorthodoxcemes.blogspot.ru/2016/09/synodality-and-primacy-during-first.html> (дата обращения: 29.09.2016).

⁸ См.: Завершилась работа XIV пленарной сессии Смешанной комиссии по богословскому диалогу между Православной Церковью и Римско-Католической Церковью. URL: <https://mospat.ru/ru/2016/09/22/news135848/> (дата обращения: 05.11.2016).

⁹ Определение освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (Москва, 24-29 июня 2008 года) «О единстве Церкви». URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428916.html> (дата обращения: 30.06.2008).

а) принадлежащей вселенскому Православию считается только та Поместная Церковь, которая состоит в общении с Константинопольским престолом;

б) Константинопольский Патриархат имеет исключительное право церковной юрисдикции во всех странах православного рассеяния;

в) в этих странах Константинопольский Патриархат единолично представляет мнения и интересы всех Поместных Церквей перед государственной властью;

г) любой архиерей или клирик, несущий служение за пределами канонической территории своей Поместной Церкви, находится под церковной юрисдикцией Константинополя, даже если сам этого не сознает, а следовательно, может при желании быть принят в эту юрисдикцию без отпускной грамоты (как это имело место в случае с епископом Василием (Осборном));

д) Константинопольский Патриархат определяет географические границы Церквей и, если его мнение не совпадает с мнением той или иной Церкви по данному вопросу, может учреждать на территории этой Церкви собственную юрисдикцию (как это произошло в Эстонии);

е) Константинопольский Патриархат в одностороннем порядке определяет, какая Поместная Церковь может, а какая не может участвовать в межправославных мероприятиях.

Архиерейский Собор констатировал, что «такое видение Константинопольским Патриархатом собственных прав и полномочий вступает в непреодолимое противоречие с многовековой канонической традицией, на которой зиждется бытие Русской Православной Церкви и других Поместных Церквей, а также с их реальными пастырскими задачами по духовному окормлению диаспоры»¹⁰. Собор призвал Константинопольскую Церковь «впредь до общеправославного рассмотрения перечисленных новшеств проявлять

---

¹⁰ Там же.

осмотрительность и воздерживаться от шагов, могущих взорвать православное единство»¹¹.

Очевидно, что модель первенства, предлагаемая сегодня Константинопольским Патриархатом, близка к римско-католической, противоречит православной экклезиологии и каноническому преданию Церкви. Между тем, не менее очевидно, что в XX веке Поместные Православные Церкви оказались в совершенно новых условиях, требующих оперативного и скоординированного решения многих вопросов и проблем, возникающих в сфере межцерковных и межправославных отношений. Следует признать, что стабильных механизмов решения подобных вопросов в Православной Церкви на сегодняшний день не существует¹².

Органом высшей власти в Православной Церкви является Вселенский Собор, однако последний из них состоялся двенадцать столетий назад. Подготовка Всеправославного Собора ведется почти сто лет, однако очередная попытка его провести в 2016 г. вновь оказалась неудачной. Главной причиной стало отсутствие согласия между Поместными Церквами по проектам соборных документов, регламенту и организационной процедуре Собора, а также неразрешенный конфликт и разрыв евхаристического общения между Антиохийским и Иерусалимским Патриархатами на момент открытия Собора.

В результате в июне 2016 г. на острове Крит состоялся Собор, в котором приняли участие только десять Поместных Православных Церквей. Антиохийская, Русская, Грузинская и Болгарская Православные Церкви не участвовали в работе Собора. При этом ряд иерархов Поместных Православных Церквей, принимавших участие в Соборе, заявили, что отказались подписать документ «Отношения Православной Церкви с остальным христианским миром» ввиду несогласия с его содержанием.

---

¹¹ Там же.

¹² См.: *Иларион (Алфеев), еп. Венский и Австрийский*. Примат и соборность в православном понимании. Доклад на заседании Богословской комиссии католической Епископской Конференции Швейцарии. Базель, 24 января 2004 г. // Православное свидетельство в современном мире: Доклады, интервью, слова. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006. С. 188, 197.

Священный Синод Русской Православной Церкви 15 июля 2016 г. постановил, что проведение Собора при отсутствии согласия со стороны ряда автокефальных Православных Церквей нарушает принцип консенсуса, вследствие чего состоявшийся на Крите Собор не может рассматриваться как Всеправославный, а принятые на нем документы — как выражающие общеправославный консенсус¹³. Тем не менее, Синод отметил позитивное значение состоявшегося Собора, который «явился важным событием в истории соборного процесса в Православной Церкви»¹⁴.

Очевидно, что Константинопольскому патриарху как предстоятелю первенствующей Церкви принадлежит сегодня в этом процессе важная роль. Поскольку Вселенские и Всеправославные Соборы пока представляют собой исключительное явление в жизни Церкви, в соответствии с общим смыслом 34-го Апостольского канона было бы естественно предположить, что, по крайней мере, некая координирующая роль в решении вопросов, выходящих за рамки внутренней жизни Автокефальных Церквей, могла бы принадлежать епископу первенствующего престола.

До произошедшего в XI столетии разделения Церквей такое служение единству на универсальном уровне осуществляла первенствующая Римская Церковь. Однако стремление Римских епископов подменить первенство в служении первенством власти над другими Поместными Церквами привело Вселенскую Церковь к печальному разделению. В данном контексте папистические тенденции в заявлениях и действиях некоторых современных иерархов Константинопольского Патриархата несут в себе огромную опасность для Православия.

Об этом, в частности, свидетельствует статья «Первый без равных» — ответ на документ «Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви», появившийся в 2014 г. на официальном сайте Вселенского

---

¹³ Журнал № 48 заседания Священного Синода от 15 июля 2016 года. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4561903.html> (дата обращения: 15.07.2016).

¹⁴ Там же.

Патриархата¹⁵. Автор статьи впервые за две тысячи лет истории Православия прямо высказывает утверждение о том, что Вселенский Патриарх в своем лице является *primus sine paribus* — «первым без равных»¹⁶, и это не может не вызывать серьезной озабоченности и тревоги.

Вместе с тем, отвергнув и продолжая отвергать идею первенства в ее римской форме, православное сознание, по верному замечанию о. Александра Шмемана, нередко приходило к простому отрицанию самого факта такого первенства. «Православная наука, — писал о. Александр, — еще ждет именно православной, не отравленной ни полемикой, ни апологетикой оценки места Рима в истории Церкви первого тысячелетия»¹⁷. Такая оценка, по мысли о. Александра, необходима для выяснения православным богословием природы и функций первенства во Вселенской Церкви.

Аналогичную позицию занимал прот. Иоанн Мейендорф: «Православная экклезиология требует, — писал о. Иоанн, — чтобы Церковь являла свое единство и кафоличность чрез одного епископа в каждой местности, через один синод епископов под председательством регионального главы в каждой стране (или регионе); наконец, в мировом масштабе, чтобы свидетельство Православия становилось реальностью через единство епископата; это последнее единство требует наличия “одного епископа”, который не был бы папой, наделенным административной властью *над* своими собратьями, но обладал бы авторитетом, достаточным, чтобы организовывать, осуществлять и в некотором смысле

---

¹⁵ *Elpidophoros (Lambriniadis), metropolitan*. First without equals: A response to the text on primacy of the Moscow Patriarchate. URL: https://www.patriarchate.org/-/primus-sine-paribus-hapantesis-eis-to-peri-proteiou-keimenon-tou-patriarcheiou-moschas-tou-sebasmiotatou-metropolitou-prouses-k-elpidophorou?redirect=https%3A%2F%2Fwww.patriarchate.org%2Fsearch%3Fp_p_id%3D3%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dmaximized%26p_p_mode%3Dview%26_3_keywords%3Dlambriniadis%26_3_struts_action%3D%252Fsearch%252Fsearch%26_3_redirect%3D%252Fsearch%253Fp_p_id%253D3%2526p_p_lifecycle%253D0%2526p_p_state%253Dmaximized%2526p_p_mode%253Dview%2526_3_groupId%253D0&inheritRedirect=true (дата обращения: 07.11.2016).

¹⁶ См.: *Иларион (Алфеев), митр.* Доклад во Фрибургском университете. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3612397.html> (дата обращения: 30.03.2014); см. также: *Иринея (Стинберг), архим.* Первенство и личностность // Церковь и время. 2015. № 4 (73). С. 52-89. Здесь: примеч. 13 на С. 86; см. также: *Ермилов П.В., диакон.* Secundus sine paribus: Соображения по поводу критики «Позиции Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви» // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. Религиоведение 2016. Вып. 2 (64). С. 145-158.

¹⁷ *Шмеман А., прот.* Вселенский Патриарх и Православная Церковь // Собрание статей. 1947-1983 / Сост. Е.Ю. Дорман; Предисл. А.И. Кырлежева. М.: Русский путь, 2009. С. 371.

представлять соборность Церкви. <...> В прошлом мы всегда резко отрицали папские привилегии, не предлагая — чего, к сожалению, не делаем и сегодня — взамен никакой осмысленной альтернативы. Большую часть времени мы просто защищали церковный партикуляризм и национализм, тогда как вопрос, поставленный папством перед сознанием всех христиан, есть вопрос о христианском свидетельстве в мире. С православной точки зрения, главные функции “первого епископа” состоят в обеспечении постоянной совещательности и соборности между всеми православными церквями и в обеспечении церковного порядка, особенно же — местного и регионального единства всех православных христиан»¹⁸.

Похожую точку зрения на проблему высказывали такие известные русские богословы и церковные историки, как проф. А.В. Карташев, прот. В. Зеньковский, прот. Н. Афанасьев. Некоторые русские богословы (Карташев, Мейендорф, архиеп. Василий (Кривошеин)) даже предлагали создать при Константинопольском патриархе постоянный всеправославный синод. Противоположные взгляды выражали в церковной печати профессор С.В. Троицкий, архимандрит Софроний (Сахаров), иерархи и богословы Русской Зарубежной Церкви.

На сегодняшний день не существует подробных исследований этой полемики. В сети Интернет можно найти лишь несколько достаточно небольших статей публицистического характера, которые содержат поверхностные, а порой и в корне неверные оценки¹⁹.

За последние несколько лет вышли в свет отдельные публикации²⁰ по вопросам, относящимся к проблематике исследования: А. Шишкова²¹;

---

¹⁸ Мейендорф И., прот. Византийское наследие в Православной Церкви. Пер. с англ. под общ. ред. Ю.А. Вестеля. К.: Центр православной книги, 2007. С. 339-340.

¹⁹ См., например: *Василик В., диакон*. Русские богословы о проблеме первенства в Церкви. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/34669.htm>; <http://www.pravoslavie.ru/put/34693.htm> (дата обращения: 25.04.2010).

²⁰ Целый ряд статей вышел в одном номере журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» (Вып. № 1 (34). 2016). Данный номер объединил публикации, посвященные ожидавшемуся в 2016 году Всеправославному Собору.

²¹ *Шишков А.В.* Спорные экклезиологические вопросы повестки Всеправославного собора и проблема верховной власти в Православной церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. Вып. № 1 (34). С. 210-254; *он же*. Церковная автокефалия через призму теории суверенитета Карла Шмитта // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. Вып. № 3 (32). С. 197-224; *он же*. Первенство в Церкви в богословии

В. Пузовича²², П. Ермилова²³, А. Мазырина²⁴, А. Кострюкова²⁵, А. Кырлежева²⁶, архимандрита (ныне епископа) Иринаея (Стинберга)²⁷. Однако указанные работы затрагивают лишь частные аспекты проблемы, не охватывая развитие учения о первенствующем епископе в русском православном богословии XX в. в целом.

Вместе с тем, ведущая роль в осмыслении проблемы первенства в XX столетии принадлежала именно богословам русского происхождения. Сегодня с этой оценкой соглашаются в том числе и видные греческие богословы²⁸. Идеи, высказанные Афанасьевым, Шмеманом, Мейендорфом не только определили в

митрополита Пергамского Иоанна Зизиуласа // Вестник РХГА. 2014. Т. 15. Вып. 1. С. 32-41; *он же*. Структура церковного управления в евхаристической экклезиологии // Вестник ПСТГУ. Серия I. Философия. Богословие. 2015. № 57(1). С. 25-38.

²² Пузович В. Константинопольский патриархат и православная диаспора в XX в.: полемика вокруг создания экзархата православных русских церквей в Западной Европе // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. 2014. Вып. 5 (55). С. 26-44.

²³ Ермилов П.В., *диакон*. Secundus sine paribus: Соображения по поводу критики «Позиции Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви» // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. Религиоведение 2016. Вып. 2 (64). С. 145-158; *он же*. Дискуссии конца XIX — первой половины XX в. о праве созыва Всеправославного собора // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. Вып. № 1 (34). С. 308-332; *он же*. Происхождение теории о первенстве Константинопольского патриарха // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. 2014. Вып. 1 (51). С. 36-53; *он же*. Дискуссия Барсова-Павлова о роли Константинопольского патриарха в Православной Церкви // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. Вып. 3. С. 30-43.

²⁴ Мазырин А., *свящ.* Фанар и обновленчество против Русской Православной Церкви // Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке / *свящ.* А. Мазырин, А.А. Кострюков. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. С. 9-246; *он же*. К вопросу о русском факторе в срыве Всеправославного собора в 1920–1930-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. Вып. № 1 (34). С. 333-357; *он же*. Патриарх Тихон и Константинопольская Патриархия: к вопросу о причинах фактического разрыва отношений // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 6 (67). С. 9-37; *он же*. «Восьмой Вселенский Собор» и обновленческий раскол в России // XXV Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2015. С. 124-135.

²⁵ Кострюков А. Русское церковное зарубежье и Вселенский Престол // Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке / *свящ.* А. Мазырин, А.А. Кострюков. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. С. 247-361; *он же*. Русская Зарубежная Церковь: создание, взаимоотношения с московской церковной властью и внутренние разделения в 1920 – 1938 гг.: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2012; *он же*. К истории взаимоотношений между Русской Зарубежной Церковью и Константинопольской патриархией в 1920–1924 годах // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 6(43). С. 58-69; *он же*. Почему не состоялся диалог? К вопросу о взаимоотношениях между католичеством и церковными структурами русской эмиграции в 1920 – 1930-е гг. // Страницы. 2012. Т. 16. Вып. 3. С. 406-416; *он же*. Предпосылки участия архиепископа Серафима (Соболева) во Всеправославном Совещании 1948 года // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. II:2 (35). С. 52-60 и др.

²⁶ Кырлежев А. Мировое православие: типология автокефальных церквей // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. Вып. № 1 (34). С. 74-101.

²⁷ «Первенство и личность» (Церковь и время. 2015. № 4 (73). С. 52-89). В указанной статье, не претендующей на полноту исследования, дается анализ некоторых положений документа «Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви» (2013 г.) и проводится разбор отдельных критических замечаний к этому документу со стороны греческих богословов: митрополита Прусского Элпидифора (Ламбриниадиса) «Первый без равных: ответ на „Позицию Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви“» и архимандрита Пантелеимона (Мануссакиса) «Примат и экклезиология: состояние вопроса».

²⁸ См., например: Иоанн (Зизиулас), *митр. Пергамский*. Современные дискуссии о первенстве в православном богословии // Петрово служение. Диалог католиков и православных / Под ред. Вальтера Каспера. М.: ББИ св. апостола Андрея, 2006. С. 257-274.

XX в. лицо современной православной экклезиологии, но и оказали существенное влияние на римско-католическую экклезиологию, обновленную на II Ватиканском соборе 1962-1965 гг. Это объясняет выбранные **рамки настоящего исследования**, ограниченного рассмотрением русской православной богословской традиции в XX в.

Актуальное состояние проблемы первенства в контексте межправославных и православно-католических отношений с позиций Русской Православной Церкви сегодня освещено в статьях и выступлениях митрополита Волоколамского Илариона²⁹, однако подробных ретроспективных исследований «путей русского богословия» в осмыслении данной проблемы на сегодняшний день не существует.

Последние официальные документы Московского Патриархата, в которых выражена принципиальная позиция по проблеме первенства³⁰, сформулированы в тезисной форме и не содержат ссылок на предшествующую богословскую традицию Русской Церкви.

Малая степень изученности темы подтверждает **актуальность** данного исследования.

Цель исследования — рассмотреть развитие учения о первенствующем епископе в русском православном богословии XX века с экклезиологической, канонической, исторической и церковно-практической точек зрения, провести его анализ, систематизировать и обобщить полученные результаты и дать им оценку с православных позиций.

Для достижения цели исследования были намечены **основные задачи**:

---

²⁹ См.: Иларион (Алфеев), *еп. Венский и Австрийский*. Примат и соборность в православном понимании. Доклад на заседании Богословской комиссии католической Епископской Конференции Швейцарии. Базель, 24 января 2004 г. // Православное свидетельство в современном мире: Доклады, интервью, слова. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006. С. 187-197; Иларион (Алфеев), *Митрополит Волоколамский*. Первенство во Вселенской Церкви. Позиция Московского Патриархата. Лекция председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата в Московской духовной академии (20 мая 2014 года, Москва) // Церковь и время. 2014. № 3(68). С. 16-36; *он же*. Примат и соборность с православной точки зрения // Церковь и время. 2015. № 1(70). С. 63-80; *он же*. Доклад во Фрибургском университете. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3612397.html> (дата обращения: 30.03.2014); *он же*. Православно-католические отношения на современном этапе. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1319482.html> (дата обращения: 20.11.2010) и др.

³⁰ К таким принципиально важным документам относятся, прежде всего: Определение освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви «О единстве Церкви» (2008) и «Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви» (2013).

1. Исследовать общее состояние учения о первенствующем епископе в русском православном богословии в начале рассматриваемого периода — на рубеже XIX-XX вв. и дать его общую характеристику.
2. Определить роль русских православных богословов XX столетия в развитии православного учения о первенствующем епископе, выявить факторы, определившие особенности развития учения о первенствующем епископе в русском православном богословии XX века.
3. Выявить связь учения о первенствующем епископе в русском православном богословии с другими «магистральными» для русского православного богословия XX века темами.
4. Провести сравнительный анализ учения о первенствующем епископе в наиболее значимых трудах русских православных богословов и официальных документах Русской Православной Церкви XX века с экклезиологической, канонической, исторической и церковно-практической точек зрения.
5. Провести анализ имевшихся различий в подходах, а также внешних условий, в которых находились русские православные богословы разных юрисдикций, и попытаться объединить их позиции в типологические группы.
6. Попытаться выявить в учении о первенствующем епископе в русском православном богословии XX века наличие общего «ядра», объединяющего позиции богословов разных направлений.
7. Дать оценку имевшимся расхождениям. По спорным вопросам предложить аргументированные решения, способные в максимальной мере примирить выявленные противоречия.
8. На основании проведенного исследования ответить на вопрос: позволяют ли взгляды русских православных богословов на учение о первенствующем епископе с учетом выявленных разногласий сформулировать единую позицию, которая может быть признана адекватной русской богословской традиции, официальной позиции Московского Патриархата и православному подходу в целом.

9. Сопоставить развитие учения о первенствующем епископе в русском православном богословии с эkkлезиологической реформой в Римско-Католической Церкви в XX веке и исследовать вопрос возможного взаимного влияния и пересечения двух традиций. Наметить перспективные пути дальнейшего диалога.

Отсутствие исследований, системно решающих комплекс указанных задач, определяет **научную новизну** представленной работы.

Предметом исследования является учение о первенствующем епископе.

Объектом исследования — процесс развития учения о первенствующем епископе в трудах русских православных богословов и официальных документах Русской Православной Церкви в XX веке.

С учетом поставленных задач, в **материал** исследования, помимо трудов русских православных богословов и официальных документов Московского Патриархата, были также включены наиболее значимые эkkлезиологические документы Римско-Католической Церкви XX столетия, касающиеся темы исследования.

В работе над темой применено сочетание **нескольких методов исследования**: *богословского, сравнительно-исторического, историко-генетического, дедуктивного и индуктивного историко-типологического методов.*

В основу исследования положены **принципы**: *принцип объективности, принцип историзма, принцип единства исторического процесса.*

Основные положения и выводы, выносимые на защиту:

1. В ходе исследования установлено, что в попытке нового осмысления учения о первенствующем епископе в православном богословии XX века одна из ведущих ролей принадлежала богословам русского происхождения. Этому способствовали следующие факторы:

- обращение к мистически-сакраментальной сущности Церкви в русской религиозной мысли XIX века, особенно в творчестве А.С. Хомякова и славянофилов;

- расцвет русской богословской школы и церковной науки на рубеже XIX-XX веков;

- глубокое изучение и всестороннее обсуждение вопроса о первенствующем епископе в рамках дискуссии о восстановлении Патриаршества и устройства в Русской Церкви Митрополичьих округов на Поместном Соборе 1917-1918 гг.;

- крушение в начале XX столетия Российской православной империи, распад в условиях гражданской войны и гонений на Церковь сложившейся в России системы церковного управления, что потребовало от Русской Церкви поиска фундаментальных основ церковного устройства, не зависящих от положения Церкви в государстве и иных внешних исторических условий;

- геополитические процессы 2-й пол. XIX-XX вв., повлекшие за собой существенные изменения в положении двух наиболее влиятельных Поместных Православных Церквей — Константинопольской и Русской, что вызвало конфликты и обострение соперничества между ними;

- возникновение в XIX-XX вв. новых автокефалий; предоставление Московским Патриархатом автокефалии Польской (1948), Чехо-Словацкой (1951) Православным Церквам и Православной Церкви в Америке (1970), различное понимание Константинопольским и Московским Патриархатами принципов автокефалии и условий ее предоставления;

- возникновение в XX веке нового явления — православной диаспоры; появление на Западе в результате массовой эмиграции из России многочисленной русской православной диаспоры, перед которой остро встал вопрос о природе церковного единства и принципах церковного устройства в новых условиях; возникновение в среде русской эмиграции церковных юрисдикционных споров, в которых приняли участие лучшие представители русского православного богословия и церковной науки;

- новая встреча в XX веке русских православных богословов с инославным Западом; эkkлезиологическая реформа в Римско-Католической Церкви 2-й пол. XX века и взаимный интерес русских православных и католических богословов на путях поиска нового осмысления проблемы примата.

2. Выявлена тесная связь развития учения о первенствующем епископе в русском православном богословии с другими «магистральными» для русского православного богословия XX века темами: отношение к канонам; власть и право в Церкви; природа церковного единства; институционализм и иерархизм; сущность предстоятельства и представительства; роль епископата и природа епископского служения; значение мирян и проблема рецепции; евхаристическая природа Церкви; соотношение поместного начала и универсализма; Церковь и государство; территориальный и национальный принципы в церковном устройстве; церковная автокефалия; соборность и бюрократизм; авторитет и свобода; место Духа Святого в жизни Церкви.

3. Выяснено, что главное каноническое и экклезиологическое основание православного учения о первенствующем епископе русские православные богословы XX столетия видели в 34-м Апостольском правиле, устанавливающем принцип гармоничного сочетания единоначалия и соборности в церковном устройстве. Русскими православными богословами отмечалось, что данный принцип призван осуществлять и являть в жизни Церкви единство по образу Пресвятой Троицы, в соответствии с триадологической концовкой канона. В первенствующем епископе и соборе епископов, отношения между которыми регулируются 34-м Апостольским правилом, русские православные богословы видели необходимые основополагающие элементы, на которых должен утверждаться церковный строй.

4. Установлено, что русские православные богословы XX века разошлись в вопросе применимости 34-го Апостольского правила на универсальном уровне, в трактовке сущности папизма и объяснении этнического принципа церковной организации, отраженного в тексте канона.

5. Анализ имевшихся различий в подходах, а также внешних условий, в которых находились русские православные богословы разных юрисдикций, позволил объединить их позиции в три основные группы по юрисдикционной ориентации — «московской», «карловацкой» и «евлогианской». Исследование доказало обоснованность предложенной типологизации.

6. Определено, что наиболее обоснованной является точка зрения, согласно которой применение 34-го Апостольского канона на универсальном уровне теоретически возможно и не тождественно папизму, но оно потребует изменения существующего строя и канонического законодательства Православной Церкви. Канонически необходимое первенство среди епископов сегодня существует лишь на уровне Поместных Автокефальных Церквей. Распространение характеристик поместного первенства на вселенский уровень неизбежно ведет к признанию вселенской юрисдикции единственного первоиерарха и упразднению существующих автокефалий. Данная ошибка, на которую указывали богословы московской и «карловацкой» ориентаций, была характерна для «евлогиан», желавших обосновать вселенскую юрисдикцию Константинопольского патриарха над диаспорой.

7. Выяснено, что русские православные богословы всех направлений были согласны в том, что исторически процесс церковной централизации во Вселенской Церкви не завершился образованием в ней единого административного центра, вселенской юрисдикции одного первоиерарха во Вселенской Церкви никогда не было.

8. Установлено, что в официальных заявлениях Московского Патриархата и трудах русских богословов разных направлений (в том числе «евлогиан») была выражена единая точка зрения на канонические правила Халкидонского Собора, согласно которой данные правила не могут служить основанием особых властных полномочий Константинопольского первоиерарха в пределах других Поместных Церквей и новых миссионерских территорий.

9. Определено, что наиболее обоснованной является точка зрения, подробно изложенная и аргументированная в канонических трудах проф. С.В. Троицкого, согласно которой Константинопольский патриарх, по действующим в Православной Церкви канонам, не обладает судебной и иной начальственной властью в пределах других Поместных Автокефальных Церквей и не является высшей апелляционной инстанцией, правомочной пересматривать решения предстоятелей других Автокефальных Церквей. Решения, принятые

судами высшей инстанции в Автокефальных Церквях, не подлежат апелляции и могут быть пересмотрены только Вселенским Собором. Константинопольскому патриарху не принадлежит исключительное право юрисдикции над православной диаспорой и новыми миссионерскими территориями. Данную позицию, несмотря на ее частичную критику со стороны «евлогиан», можно считать в целом адекватной русской богословской традиции. Официальная позиция Московского Патриархата, позиции русских богословов и канонистов, принадлежавших московской юрисдикции и юрисдикции Русской Зарубежной Церкви, по этим вопросам были наиболее близкими.

10. Выяснено, что русские богословы всех направлений оказались едиными в отвержении папизма. Однако единой концепции православного понимания универсального первенства русскими богословами предложено не было. В XX столетии Московский Патриархат не выдвинул альтернативного решения проблемы вселенского первенства, отнеся его к грядущему Святому и Великому Собору. Попытки найти решение данной проблемы с экклезиологических позиций принадлежали, в основном, богословам русского зарубежья «евлогианской» ориентации и состоявшему в московской юрисдикции, но проходившему свое служение за рубежом, архиеп. Василию (Кривошеину).

11. По мысли русских богословов, равновесие между властью первенствующего епископа и Собора, установленное 34-м Апостольским правилом, с одной стороны, обеспечивает в Церкви единомыслие и порядок, а с другой — сохраняет Церковь свободной от человеческого произвола и открытой к действию Святого Духа. Уклонение от этого принципа в сторону единоначалия, не уравновешенного в должной мере соборной властью епископов, составляет сущность папизма, который может проявляться как на вселенском, так и на поместном уровнях. В этом случае соборно-иерархическая структура Церкви подменяется нисходящей административно-бюрократической вертикалью, а епархиальный епископ из предстоятеля и выразителя традиции своей местной Церкви *de facto* превращается в делегата центральной церковной власти. В своем предельном выражении папизм явлен в фигуре Римского епископа, который

догматически и канонически сделался вселенским «епископом епископов», то есть занимает по отношению ко всем прочим епископам положение, аналогичное тому, какое имеет православный епископ по отношению к пресвитерам своей епархии. Любые коллегиальные структуры при нем имеют лишь совещательный голос и не обладают никакой самостоятельной властью. Доказано, что данная трактовка сущности папизма является наиболее обоснованной с эклезиологической, канонической и исторической точек зрения и в наибольшей степени отвечает русской православной богословской традиции в целом.

12. Установлено, что вопрос о значении национального и территориального принципов в церковном устройстве стал в XX столетии одним из ключевых для русской эклезиологии. Богословы «евлогинской» ориентации, как и богословы Константинопольского Патриархата, настаивали на догматическом значении территориального принципа церковного устройства, из которого они выводили невозможность существования на одной территории нескольких православных юрисдикций и, как следствие, необходимость подчинения Вселенскому патриарху всей православной диаспоры и новых миссионерских территорий. Богословы московской юрисдикции и юрисдикции Русской Зарубежной Церкви, признавая важность территориального принципа, не соглашались с его абсолютизацией и допускали учет иных факторов, в том числе этнического, считая основным критерием удобство и благо Церкви в осуществлении ее главной миссии — приведении ко Христу человеческих душ. Проведенное исследование подтвердило необоснованность догматизации территориального принципа в каноническом устройстве современной Православной Церкви и выявило необходимость дальнейшего прояснения значения этого принципа православным сознанием. Наиболее удачное решение проблемы соотношения территориального и национального принципов в церковном устройстве было дано в канонических работах проф. С.В. Троицкого.

14. Предложена трактовка универсальных критериев, лежащих в основе церковно-административного устройства. Этими критериями являются легкость в коммуникации и сходство условий, в которых находятся епископы и паства

епархий, объединенных вокруг первенствующего епископа. Доказано, что именно эти критерии лежали в основе учреждения Поместным Собором 1917-18 гг. Митрополичьих округов и «Постановления № 362» 1920 г. святого Патриарха Тихона. Указанные критерии хорошо согласуются с позицией проф. С.В. Троицкого по проблеме соотношения территориального и национального принципов в церковном устройстве, объясняют трансформацию этнического принципа 34-го Апостольского правила в гражданско-административный территориальный принцип 9-го Антиохийского канона и подтверждают правомерность существования национальных юрисдикций в диаспоре, которое нельзя расценивать как экклезиологическую и каноническую аномалию. Предложенная трактовка позволяет примирить имевшиеся противоречия в позициях русских православных богословов по данному вопросу.

15. Установлено, что русские православные богословы всех направлений рассматривали функции вселенского первоиерарха не в терминах «юрисдикции» и власти *над* Поместными Церквами, а первенства в ответственности и служении, особой харизмы и преимущественного, но не исключительного права инициативы в решении общеправославных вопросов. Русские православные богословы были согласны в том, что в определении местоположения первенствующих кафедр Церковь следует принципу церковного блага и практического удобства. Утратившие силу каноны, древние титулы, столичное положение города, основание кафедры тем или иным апостолом, древность кафедры или ее бывшие заслуги и другие подобные критерии могут приниматься в расчет, но они не имеют вечного, определяющего значения сами по себе. Первенство не принадлежит тому или иному престолу неотъемлемо, по «Божественному праву», или по тем или иным историческим основаниям (апостольскому происхождению, политическому значению города и т.д.), но определяется исключительно согласием Церквей. Данная точка зрения была характерна для русских богословов всех юрисдикционных направлений и может считаться адекватной русской православной традиции в целом.

16. Установлено, что в развитии учения о первенствующем епископе позиции богословов Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви в XX веке были наиболее близкими. Различия в позициях богословов «московской», «карловацкой» и «евлогинской» ориентаций были вызваны преимущественно не богословскими, а политическими причинами, и стали трагическим следствием революции и гонений на Церковь в СССР.

17. В учении о первенствующем епископе в русском православном богословии XX века выявлено наличие общего «ядра», объединяющего позиции богословов разных направлений, а предложенные в работе оценки имевшихся расхождений позволяют сформулировать единую позицию, которая может быть признана адекватной русской богословской традиции, официальной позиции Московского Патриархата и православному подходу в целом. Указанная возможность является главным положительным и практически значимым итогом работы.

18. Установлено наличие прямого влияния русских православных богословов, прежде всего идей прот. Н. Афанасьева, на реформированную в XX веке еkkлезиологию Римско-Католической Церкви. В XX столетии Римско-Католическая Церковь попыталась восполнить традиционное учение о папском примате учением о коллегиальности епископата и другими элементами православной еkkлезиологии — такими как евхаристическая еkkлезиология и еkkлезиология общения, получившими наиболее яркое развитие в работах русских богословов — Н. Афанасьева и его учеников. Русские православные богословы, в свою очередь, попытались заново осмыслить, наряду с соборным принципом, значение фигуры первенствующего епископа в истории и современной жизни Вселенской Церкви на разных уровнях ее бытия, чтобы позитивно, а не только полемически, как это делалось раньше, раскрыть православное учение о первенствующем епископе. Проведенное исследование выявило наличие взаимного интереса, взаимных влияний, пересечений, совпадений, но также и принципиальных расхождений между русской православной и католической традициями на этом пути.

20. Установлено, что в развитии учения о первенствующем епископе в XX столетии русские православные богословы и Римско-Католическая Церковь попытались отойти от институционно-иерархических определений Церкви и обратились к одним и тем же темам: месту Евхаристии и роли Духа Святого в жизни Церкви, учению, изображающему Церковь как Народ Божий, а иерархическую власть — как служение. Это свидетельствует о фундаментальном значении этих тем для обеих традиций и указывает перспективные направления дальнейшего диалога.

Теоретическая и практическая значимость работы

Систематизированные материалы и результаты исследования могут быть использованы в обосновании и уточнении позиции Русской Православной Церкви по актуальным для межправославных отношений вопросам первенства, диптиха, автокефалии и диаспоры, в реформировании внутренней структуры Русской Православной Церкви, а также в православно-католическом диалоге.

Апробация исследования

Результаты исследования излагались автором в публикациях (см. список опубликованных работ), представлялись на Курсах повышения квалификации преподавателей дисциплин систематического богословия (Нило-Столбенская пустынь, 2018), обсуждались на конференциях в Коломенской духовной семинарии, а также использовались в преподавании автором курса Сравнительного богословия в Коломенской духовной семинарии.

Объем и структура работы

Диссертация объемом 700 страницы текста имеет Введение, 8 основных разделов и общее Заключение. Некоторые разделы и подразделы диссертации имеют собственные заключения, где дается синтез основных итогов и выводов. Библиографический список включает 376 наименований, в том числе 17 на — на иностранных языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** излагается краткая история вопроса, обосновывается актуальность темы, рассматривается степень разработанности проблемы, дается обоснование новизны диссертационного исследования, формулируются цель и задачи, излагаются методы и методологические принципы исследования, рассматриваются возможности теоретического и практического применения полученных результатов, описывается их апробация в научных публикациях, докладах на конференциях и педагогической деятельности.

В **разделе 1 «Состояние учения о первенствующем епископе в русском православном богословии на рубеже XIX-XX веков»** исследуется общее состояние учения о первенствующем епископе в русском православном богословии в начале рассматриваемого периода и дается его общая характеристика. Рубеж XIX-XX вв. был отмечен наивысшим расцветом русской богословской, канонической и церковно-исторической науки и выходом в свет блестящих исследований, многие из которых не утратили научного значения до сих пор. В XX столетии русские богословы в трудах, посвященных проблеме первенства, опирались на эти исследования и ссылались на них в своих работах. На труд профессора Т. Барсова «Константинопольский патриарх и его власть над Русской Церковью» (1878) в середине XX века ссылались в том числе и греческие богословы, защищавшие идею особых полномочий Константинопольского патриарха.

Русские канонисты, историки и богословы констатировали, что современные им автокефальные православные Церкви, несмотря на признание Вселенского Собора в качестве своего высшего связующего органа, в действительности, живут, как отдельные юридические единицы; практическое осуществление соборности на вселенском уровне не имеет четкой организации, и его принципы еще не выяснены православным сознанием.

Многие русские богословы рассматриваемого периода признавали, что для Церкви Вселенской, как и для Поместных Автокефальных Церквей, также должен существовать видимый центр единства. Признавая теоретическую возможность

возглавления всей Православной Церкви единым первоиерархом, русские богословы, однако, видели в таком церковном устройстве соблазн перерождения в папский абсолютизм и считали, что отсутствие во Вселенской Церкви единого видимого главы является промыслительным, подчеркивающим идею невидимого главенства Христа.

Проф. Т. Барсов пытался доказать, что развитие церковной централизации привело к окончательному утверждению во Вселенской Церкви двух равнозначных центров высшей власти — Римской и Константинопольской кафедр при второстепенном, подчиненном положении прочих патриархатов. Изложенная Барсовым система представляла собой причудливую форму папизма при двух папах — западном и восточном, без одновременного согласия которых никакое постановление или распоряжение во Вселенской Церкви не могло иметь законной силы. Это давало основания упрекать Барсова в приверженности теории «восточного папизма».

Проф. Н. Суворов видел «взаимную сдержку» в равновесии власти Римского епископа и власти императора. Учение Суворова об императоре как «общем епископе» и видимом центре церковного единства, о якобы принадлежащей ему высшей церковно-правительственной власти, отождествление Православия с «восточным императорством» в противовес западному «папизму», явилось ярким проявлением неразвитости русской эkkлезиологии, зависимости отечественной канонической науки от условий синодального режима.

В разделе 2 «Учение о первенствующем епископе в дискуссии о реформе высшего церковного управления на Поместном Соборе 1917-1918 гг.» рассмотрено обсуждение вопроса о функциях первоиерарха в рамках работы Предсоборного Присутствия 1906 г. (**подраздел 2.1**) и на самом Соборе в связи с вопросом восстановления Патриаршества и устройства в Русской Церкви Митрополичьих округов (**подразделы 2.2 и 2.3** соответственно).

Особое значение в предсоборной дискуссии, как впоследствии и на самом Соборе, приобрела идея соборности, восходящая к Хомякову и славянофилам.

Последние связывали с фигурой патриарха возрождение Русской Церкви и общества на соборных началах. Каноническое основание этой идеи они находили в 34-м Апостольском правиле. Однако уже в ходе работы Предсоборного Присутствия (в связи с возникшей дискуссией об автокефалии Грузинской Церкви) выяснилось, что данное правило может трактоваться различным образом.

Предсоборное Присутствие выявило наличие в русском богословии двух противоречащих друг другу подходов в интерпретации 34-го Апостольского правила и лежащего в его основе принципа церковного устройства. Рассмотренная полемика свидетельствовала о неполноте «этнографического» и «топографического» толкований. Предложенные в разделе поправки к «этнографическому» толкованию позволяют примирить оба подхода.

На Поместном Соборе 1917-1918 гг. русская богословская и каноническая мысль разорвет казавшуюся нерасторжимой связь Церкви с Империей. Решение Собора о восстановлении патриаршества представляло собой синтез позиций как сторонников, так и противников патриаршества. Собору удалось найти сбалансированное соотношение между личным и соборным началом в церковном управлении³¹.

Соборная дискуссия подтвердила, что в основе церковного деления может лежать не только территориальный принцип. Главные факторы в объединении епархий в докладе «О церковных округах» можно свести к двум: 1.) легкость коммуникации; 2.) сходство бытовых, культурно-исторических и прочих условий, в которых находится паства, объединенная вокруг своего первенствующего епископа.

В 3-м разделе «Вопрос о первенствующем епископе в некоторых документах святого Патриарха Тихона (Белавина; 1865–1925)» рассмотрены «Постановление № 362» 1920 г. и его роль в развитии учения о первенствующем епископе в русском православном богословии XX века (подраздел 3.1) и учение о

---

³¹ См., например: *Соловьев Илья, диакон. Собор и Патриарх. Дискуссия о Высшем Церковном Управлении // Церковь и время. 2004. № 1 (26). С. 179-178; Сафонов Д.В. Единоначалие и коллегиальность в истории Высшего церковного управления Русской Церкви от свт. Тихона, Патриарха Всероссийского до Патриарха Московского и всея Руси Алексия I. Часть 1: Годы 1917-1925 // Богословский вестник, издаваемый МДА и С. Сергиев Посад, 2009. № 8-9. С. 281-282.*

первенствующем епископе в переписке Патриарха Тихона в связи с действиями Константинопольской Патриархии в 1920-х гг. (**подраздел 3.2**). «Постановление № 362» стало, наряду с 34-м Апостольским правилом, главным каноническим основанием организации церковного управления в эмиграции, прежде всего в Русской Зарубежной Церкви. Однако, признавая высокое значение Постановления, каждая русская юрисдикция пыталась интерпретировать его в свою пользу. Исчезновение православной Империи освободило каноническое содержание Постановления от всех внешних, нецерковных влияний. Из текста Постановления следует, что главным в объединении епархий признается: 1.) легкость коммуникации между «ближайшими или наиболее доступными по удобству сообщения епархиями»; 2.) одинаковость «положения» и «условий», в которых находятся епархии, объединенные вокруг первенствующего епископа.

Дальнейшее изложение материала осуществляется по хронологически-типологическому принципу. Раздел, посвященный трудам богословов русской эмиграции, и раздел, посвященный трудам богословов Московского Патриархата, снабжены собственными вводными подразделами (**4.1** и **5.1**).

В разделе 4 «Учение о первенствующем епископе в трудах православных богословов русской эмиграции XX века, не принадлежавших юрисдикции Московского Патриархата» рассматривается развитие учения о первенствующем епископе в наиболее значимых трудах богословов «карловацкой» юрисдикции (**подраздел 4.2**): прот. М. Польского и архиеп. Нафанаила (Львова), — и богословов «евлогианской» ориентации (**подраздел 4.3**): прот. С. Булгакова, проф. А.В. Карташева, протопресвитеров В. Зеньковского, Н. Афанасьева, А. Шмемана, И. Мейендорфа. Именно эти богословы русской церковной эмиграции внесли наиболее заметный вклад в дискуссию о первенстве в рамках русской юрисдикционной полемики XX века.

Прот. М. Польский считал основой церковного устройства и православного учения о первенствующем епископе 34-е Апостольское правило, в котором единоличное начало неразрывно сочетается с соборным, отражая догмат о Пресвятой Троице. Начиная с общероссийской дискуссии о восстановлении

патриаршества, данный подход к 34-му правилу является общим для русской эkkлезиологии XX века.

В русле идеологии «карловчан» Польский утверждает, что митр. Сергей (Страгородский) не только нарушил каноны, но фактически допустил в Русской Церкви ересь папизма — ввел при поддержке безбожных властей «диктатуру первого епископа».

Согласно Польскому, единство в вере и истине, любовь и общение в Духе Святом, причастие от Единого Хлеба важнее формальной канонической законности и внешнего, административного единства. Формальной властью не обладает в Церкви даже Вселенский Собор, который, не имея определенных внешних признаков, признается таковым рецепцией всей Церкви. Особое значение Польский придает живому единству, взаимопониманию первого епископа со своими епископами, а епископов — со своей паствой, поскольку только в этом случае епископы могут реально представлять свои Церкви и служить звеном, включающим их в единый соборный организм. В этих идеях Польский, будучи представителем консервативного «карловацкого» богословия, парадоксально сближается с «евхаристической эkkлезиологией» и пневматологическим подходом к Церкви, которые сформулировал Афанасьев.

Возможность произвола, злоупотребления положением единоличного возглавителя Церкви, соблазн власти или восхищения высших ее прав, по мысли Польского, всегда могут превратиться в действительность и в Православной Церкви. В этом Польский созвучен идеям, высказанным как отдельными русскими богословами конца XIX века (например, прот. А. Лебедевым)³², так и участниками Поместного Собора 1917-18 гг.

Притязания Константинопольской Церкви на всю православную диаспору и исключительное право вмешиваться во внутренние дела других Автокефальных Церквей Польский считает проявлением восточного папизма, совпадая в этой оценке с позицией Московской Патриархии, выраженной в канонических статьях проф. С.В. Троицкого, но расходясь при этом с русскими богословами

---

³² *Лебедев А., прот.* О главенстве папы. Разности православных и папистов в учении о Церкви. СПб., 1903. С. 233.

«евлогианской» ориентации (прежде всего Шмеманом). Ссылки на 28-е Халкидонское правило Польский считает безосновательными (совпадая в этом частном вопросе с богословами «евлогианской» ориентации).

Польский указывает примеры «захватных стремлений» со стороны Константинопольской Патриархии. Оценка Польским этих действий совпадала с официальной позицией Московской Патриархии. Особенностью позиции Польского, как представителя «карловацкой» юрисдикции, является осуждение им и митр. Евлогия, и Вселенской Патриархии за их признание законности Московской Патриархии.

Польский критикует «евлогиан» за их попытку использовать территориальный принцип в качестве оправдания теории о вселенской юрисдикции Константинопольского Патриарха над национальными диаспорами. По мысли Польского, существование параллельных юрисдикций в миссионерских областях, находящихся вне территории определенной Поместной Церкви, вполне оправдано. Здесь, согласно церковной практике, для осуществления пастырских задач церковно-административное деление может следовать народному признаку. Позиция Польского в этом вопросе была близка позиции С.В. Троицкого.

Слабой стороной экклезиологии Польского является своеобразный изоляционизм, ограниченность русскими внутрицерковными проблемами. На этот недостаток рассуждений Польского указывали как Шмеман, так и Троицкий. Польский сближается с теорией, названной Шмеманом «теорией абсолютного автокефализма», которая в крайней форме была сформулирована С.В. Троицким. Согласно этой теории, Вселенская Церковь в принципе не может иметь на земле единого предстоятеля или главы, поскольку у нее есть только один Невидимый Глава — Христос. Экклезиологическая несостоятельность данной теории была убедительно доказана Шмеманом и другими видными русскими богословами.

Архиеп. Нафанаил (Львов) излагает позицию, свойственную представителям «карловацкой» юрисдикции, но делает это более гибко и трезво, соглашаясь — хотя бы отчасти — с аргументами своих оппонентов из среды «евлогиан».

Рассмотрение трудов богословов «евлогийской» ориентации (**подраздел 4.3**) начинается с анализа работ **прот. Сергея Булгакова**. Наиболее подробно рассмотрены его «диалоги-рассуждения» «У стен Херсониса» (1922). Идеи, выраженные в данной работе, в русском православном богословии XX века стали наиболее близкими к католическому пониманию проблемы примата. Вместе с тем, значение указанной работы о. Сергия не следует преувеличивать: Булгаков вскоре отказался от выраженных им идей и вернулся к традиционному для православной эkkлезиологии взгляду на проблему примата.

Ключевое значение для эkkлезиологических воззрений богословов «евлогийской» ориентации приобрели труды **проф. А.В. Карташева**, которого проф. С. Троицкий считал одним из главных «идеологов» «Парижского раскола». Брошюра Карташева «Практика апелляционного права Константинопольских патриархов» (Варшава, 1936) вызвала интерес на Западе — как в русских, так и греческих церковных кругах, вовлеченных в полемику о первенстве Константинопольского Престола. Проф. Троицкий неоднократно цитировал в своих статьях данную работу Карташева в качестве примера идеологии «православного папизма»³³.

Будучи последовательным апологетом идеи усиления первенствующей роли Константинопольского патриарха, Карташев, тем не менее, трезво и критически оценивал реальные действия Вселенского Престола. Истолкование привилегий первенства чести Константинопольского патриарха в смысле его монархической власти над прочими епископами Карташев отрицал как в исторических прецедентах прошлого, так и в проектах на будущее. Карташев отрицал монополию Константинопольской Церкви на миссионерские территории, а также попытки обосновать эту монополию буквой халкидонских правил. Приводя множество исторических примеров обращения к Константинопольскому Престолу как к апелляционной инстанции из других патриархатов, Карташев, тем не менее, подчеркивал, что каноны Халкидонского Собора не распространяют право апелляционного суда Константинопольского патриарха на другие

---

³³ Троицкий С., проф. По поводу неудачной защиты ложной теории. ЖМП, 1949. № 12. С. 33.

патриархаты. В этом Карташев выражает позицию, близкую русским богословам как «карловацкой», так и московской юрисдикций.

Прот. Василию Зеньковскому принадлежит не так много работ, посвященных проблеме первенства, на которые, однако, критически ссылались другие участники дискуссии, видя в них апологию «Константинопольского неопапизма»³⁴. Как богослов и философ, Зеньковский затрагивает магистральные для русской эkkлезиологии XX века темы — примата, власти, права, иерархизма, институционализма, соотношения национального начала и универсализма, свободы, соборности и места Духа Святого в жизни Церкви.

Особое место в осмыслении проблемы первенства в XX столетии занимают труды **прот. Николая Афанасьева**. Разработанная Афанасьевым концепция так называемой «евхаристической эkkлезиологии» стала одной из ключевых тем современного богословия. Основные ее положения оказали непосредственное влияние на эkkлезиологические формулировки II Ватиканского собора.

Излагая основные принципы «евхаристической эkkлезиологии», Афанасьев приходит к заключению: «Если среди церквей существует иерархия, должна также существовать церковь во главе этой иерархии, то есть церковь, которая занимает первое место. Ее свидетельство имеет верховное влияние, ее рецепция — решающее значение <...> Церковь Божия должна руководиться местной церковью, одной церковью среди всех. Все они обладают кафоличностью, но приоритет авторитета в несении свидетельства о событиях в жизни Церкви есть нечто, что принадлежит только церкви, “которая председательствует в любви”»³⁵. Афанасьев обосновывает универсальное первенство с эkkлезиологических позиций и высказывается в его поддержку гораздо более решительно, чем те православные богословы, которые для обоснования данной идеи обращались к каноническим прецедентам или приводили соображения практической целесообразности.

---

³⁴ См., например: *Софроний (Сахаров), иером.* Единство Церкви по образу Единства Святой Троицы (Православная Триадология как основа Православной Эkkлезиологии) // ВРЗЕПЭ. Париж, 1950. № 2-3. С. 20.

³⁵ *Afanassieff Nicholas.* The Church Which Presides In Love // *The Primacy of Peter: essays in ecclesiology and the early church* / by John Meyendorff ... [et al.]. St. Vladimir's Seminary Press, 1992. P. 113, 143.

Главным недостатком эkkлезиологической системы Афанасьева следует признать высокую степень ее зависимости от идей, воспринятых у протестантского церковного историка Р. Зома. Афанасьев усвоил его базовые идеи: об основополагающем значении евхаристического богослужения для формирования церковного устройства, о противоречии права сущности Церкви и учение о рецепции. Взгляды Афанасьева на сущность и происхождение священства сближают его эkkлезиологию с протестантским богословием. Принятая Афанасьевым концепция развития церковной иерархии фактически привела его к отрицанию власти Собора епископов в современном его виде и заставила отбросить каноническое предание Церкви, которым регулируются принципы работы данного института.

Рассматривая проблему первенства с эkkлезиологической, канонической и исторической точек зрения, **прот. Александр Шмеман** пришел к заключению о «сущностном» характере первенства — как на локальном, так и универсальном уровнях церковного бытия. Первенство не принадлежит тому или иному престолу *jure divino*. Оно зависит от исторического положения Церкви в данный период и может переходить от одного престола к другому. Первенство того или иного престола определяется согласием Церквей. Это делает вселенское первенство одновременно «сущностным» и «историческим».

Посвятив большую часть своей богословской жизни защите первенства Константинопольского патриарха, о. Александр в конце концов остался разочарован. Переломным моментом в его отношении к Вселенскому Престолу стало неприятие Константинополем, а за ним и другими «греческими» Церквями, автокефалии Православной Церкви в Америке.

Отец Александр не всегда четко и последовательно различает региональный, автокефальный и универсальный виды первенства. На данную ошибку в аргументации последователей русского экзархата Вселенской юрисдикции указывали и богословы «карловацкой» ориентации (см. также п. 3 документа «Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви» (2013)).

Вторым недостатком экклезиологии о. Александра стала абсолютизация в его трудах территориального принципа церковного устройства, исключая учет этнического фактора. Сам о. Александр был вынужден признать ограниченность своего подхода.

Экклезиология первенства, которую развивал в своих трудах **прот. Иоанн Мейендорф**, была созвучна основным идеям прот. А. Шмемана и, в целом, следует евхаристической экклезиологии Афанасьева.

В разделе **5 «Учение о первенствующем епископе в трудах канонистов и богословов Московского Патриархата»** рассмотрено учение о первенствующем епископе в трудах Патриарха Сергия (Страгородского) (**подраздел 5.2**), в работе Совещания Глав и Представителей Автокефальных Православных Церквей (Москва, 1948 г.) (**5.3**), трудах проф. С.В. Троицкого (**5.4**), в Проекте резолютивных документов Комиссии при Священном Синоде РПЦ по разработке каталога тем Всеправославного Предсобора (1968 г.) (**5.5**), трудах схиархим. Софрония (Сахарова) (**5.6**) и архиеп. Василия (Кривошеина) (**5.7**).

Предваряет раздел **введение 5.1**, где кратко рассмотрены основные международные и внутривосточные факторы, оказавшие существенное влияние на ход и содержание внутривосточной богословской полемики по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви.

Взгляды **Патриарха Сергия (Страгородского)** на функции первенствующего епископа в каноническом устройстве Церкви были, в основном, выражены им в письмах и заявлениях по вопросу о русской церковной диаспоре (в первую очередь, в связи с делом митр. Евлогия) и в вышедшей незадолго перед кончиной экклезиологической работе «Есть ли у Христа наместник в Церкви?» (1944). Не отрицая политических факторов, обусловивших появление указанной статьи Патриарха Сергия, нельзя не признать глубокого значения и смелости высказанных в ней экклезиологических идей. Исходя из принципа, лежащего в основе 34-го Апостольского правила, Патриарх Сергий допускает, что процесс церковной централизации теоретически мог бы завершиться возглавлением

Вселенской Церкви единым предстоятелем. Однако этого, — возможно, по особому Промыслу Божию, — пока не произошло.

В своей критике папства на **Московском Совещании Глав и Представителей Автокефальных Православных Церквей (1948)** Русская Православная Церковь в целом следовала традиционным экклезиологическим, каноническим и церковно-историческим аргументам, восходящим к западной и русской дореволюционной богословским школам. Между тем, в попытке дать характеристику сущности папизма сказалась политизированность работы Совещания, проходившего под жестким контролем советских органов.

Исключительно важное место в церковной полемике по проблемам первенства, автокефалии и диаспоры в XX веке принадлежало трудам **проф. С.В. Троицкого**. Им было убедительно доказано, что Константинопольский Престол не является высшей апелляционной инстанцией во Вселенской Церкви, ему не принадлежит судебная и иная начальственная власть над остальными Поместными Автокефальными Церквами и их предстоятелями. Суд предстоятелей Поместных Автокефальных Церквей является окончательным и не подлежит пересмотру и апелляции. Высшей властью над предстоятелями Поместных Автокефальных Церквей является суд Вселенского Собора. Константинопольский патриарх может судить других патриархов лишь в роли третьей стороны, выбранного по обоюдному согласию сторон.

Троицкий показывает, что теория, согласно которой первенствующему Вселенскому Престолу принадлежит исключительное право предоставления автокефалии части другой Поместной Церкви без согласия высшей соборной власти последней, не имеет канонических и исторических оснований. Подобные попытки, как и принятие в свою юрисдикцию отдельных клириков или целых структурных единиц без согласия Церкви-Матери, является вмешательством во внутренние дела Поместной Церкви и нарушает принцип автокефалии.

Троицкий показал, что точка зрения, согласно которой на Западе первенство усваивалось Римскому епископу, в то время как на Востоке —

Константинопольскому, является ошибочной³⁶. Первенство Константинопольского епископа, как и его право на высокие титулы Вселенского и Константинопольского, имеет сегодня основание не в канонах, а в общем согласии Православных Автокефальных Церквей, признавших первенство Константинополя после отпадения от вселенского единства епископа Рима³⁷.

Ранг епископских кафедр определяется соборной церковной властью. Только вселенский епископат на Вселенском Соборе может решить вопрос о вселенском примате так или иначе, сообразуясь с современными условиями церковной жизни, и изменить существующий порядок, если это потребуется для блага Церкви³⁸.

Троицкому принадлежит наиболее удачное в русском богословии XX века объяснение «национального» и «территориального» толкований 34-го Апостольского и 9-го Антиохийского правил. Троицкий указывает, что территория является таким же «естественным» признаком, как и национальность, и обоснованно критикует Шмемана за абсолютизацию значения территориального принципа в церковном устройстве.

При определении ранга епископской кафедры и церковных границ соборная власть Церкви может руководствоваться самыми различными критериями, которые в текущих условиях лучше всего отвечают церковным задачам. Главным критерием является благо Церкви. Вселенское первенство не принадлежит тому или иному престолу неотъемлемо, по «Божественному праву», или по тем или иным историческим основаниям (апостольскому происхождению, политическому значению города и т.д.), но определяется исключительно согласием Поместных Церквей. В отрицании этого, по мнению Троицкого, кроется главная ошибка папизма — как западного, так и восточного.

Троицкому принадлежит заслуга убедительного опровержения теории об исключительном праве Константинопольской Церкви на юрисдикцию над всей

---

³⁶ См.: *Троицкий С., проф.* Где и в чем главная опасность? ЖМП. 1947. № 12. С. 34.

³⁷ См.: *Троицкий С., проф.* Из истории спора Старого Рима с Новым // ВРЗЕПЭ. Париж, 1959. № 29. С. 52.

³⁸ См.: *Троицкий С., проф.* Где и в чем главная опасность? ЖМП. 1947. № 12. С. 34.

православной диаспорой. Позиция Троицкого может и сегодня послужить ключом к решению проблемы диаспоры.

Троицким не было предложено удовлетворительного альтернативного решения проблемы универсального первенства с православных позиций. В своих дореволюционных публикациях Троицкий открыто говорил о необходимости единого всеправославного центра и заявлял о «праве и святой обязанности» Русской Церкви «послужить объединяющим и примиряющим центром для прочих»³⁹. Однако находясь в юрисдикции Московского Патриархата в советское время, Троицкий стал всячески отрицать в своих публикациях саму идею вселенского первенства. Очевидно, что данная перемена во взглядах Троицкого вполне отвечала интересам советских властей.

Наиболее известной работой **схиархим. Софрония (Сахарова)**, посвященной проблеме первенства, стала его статья «Единство Церкви по образу Единства Святой Троицы (Православная Триадология как основа Православной Экклезиологии)»⁴⁰. Статья явилась откликом на Окружное послание 1950 г. Константинопольского Патриарха Афинагора, а также на выступления в печати свящ. А. Шмемана и прот. В. Зеньковского, которых о. Софроний обвинил в апологии «Константинопольского неопапизма». В аргументации о. Софрония можно усмотреть двойственность и непоследовательность. Как и большинство русских богословов XX столетия, о. Софроний подчеркивает пневматологический аспект Церкви.

Много авторитетных суждений по проблемам современной православной и римско-католической экклезиологии принадлежит **архиеп. Василию (Кривошеину)**. Будучи последовательным сторонником юрисдикции Московской Патриархии, владыка Василий, тем не менее, высказывался за возвышение роли Константинополя. Он был одним из немногих русских богословов, кто в своих

---

³⁹ *Троицкий С.* Церковная жизнь у славян. Мероприятия Вселенской патриархии против болгарского экзарха. Памятник независимости болгарской церкви. Попытки болгарского правительства подчинить себе болгарскую церковь. Участие духовенства в земледельческих обществах в Болгарии и Сербии. Окружное послание архиепископа Платона по поводу папской буллы, присланной живущим в Америке униатам // Прибавления к Церковным Ведомостям. 1908. № 5. С. 238.

⁴⁰ *Софроний (Сахаров), иером.* Единство Церкви по образу Единства Святой Троицы (Православная Триадология как основа Православной Экклезиологии) // ВРЗЕПЭ. Париж, 1950. № 2-3. С. 8-33.

работах подробно анализировал экклезиологические документы, принятые Римско-Католической Церковью на II Ватиканском соборе.

Раздел 6 «Отклик русских богословов на книгу митрополита Сардийского Максима “Вселенский Патриархат в Православной Церкви” (1975)» содержит обзор откликов русских богословов разных направлений на указанную книгу богослова Константинопольского Патриархата, в которой была предпринята попытка обоснования первенства и особых прав Константинопольской кафедры как главы и центра всей Православной Церкви⁴¹.

Несмотря на различие позиций, выраженных о. И. Мейендорфом и проф. Скуратом, и тот, и другой отрицательно оценивают попытки обоснования особых прав Константинополя на православную диаспору ссылками на 28-е правило Халкидонского Собора. Первенство Константинополя рассматривается ими в терминах служения и преимущественной ответственности, а не прав и власти Вселенского Патриархата над другими Церквями.

В разделе 7 «Протесты Московской Патриархии в связи с действиями и притязаниями Константинопольского Престола в XX веке и их оценка в трудах русских богословов» рассматриваются официальные заявления Московского Патриархата в связи с действиями и притязаниями Константинопольского Престола в XX веке в сопоставлении с оценками, данными русскими православными богословами разных юрисдикций. Основной задачей раздела являлось выяснение степени соответствия между официальной позицией Московского Патриархата по проблеме первенства и русской богословской традицией в целом. Сделан вывод о том, что официальные протесты Московского Патриархата в адрес Константинопольского Престола в экклезиологической и канонической части в целом соответствовали позиции православных богословов всех русских церковных юрисдикций. Различия между их позициями, в основном, касались внутренних противоречий между русскими юрисдикциями и были

---

⁴¹ *Maxime des Sardes, metropolitte. Le Patriarcat oecuménique dans l'Église Orthodoxe: étude historique et canonique. Paris, 1975.*

вызваны не богословскими, а политическими причинами, и явились трагическим следствием революции и гонений на Церковь в СССР.

Рассмотренные в разделе межправославные конфликты подтвердили невозможность безусловного следования административно-территориальному принципу в каноническом устройстве современной Православной Церкви и показали необоснованность попыток догматизации территориального принципа в церковном устройстве.

Завершает исследование **раздел 8: «Учение о первенствующем епископе в русском православном богословии и реформа католической экклезиологии в XX веке»**. В данном разделе развитие учения о первенствующем епископе в русском православном богословии сопоставляется с экклезиологической реформой в Римско-Католической Церкви в XX веке и исследуется вопрос взаимного влияния и пересечения двух традиций.

В XX столетии, развивая учение о первенствующем епископе, обе традиции попытались отойти от институционно-иерархических определений Церкви и обратились к одним и тем же темам: месту Евхаристии и роли Духа Святого в жизни Церкви, учению, изображающему Церковь как Народ Божий, а иерархическую власть — как служение. Это, по сути, вновь возвращает всех нас — и православных, и католиков — к вечным словам Христа, в которых Он навсегда определил сущность всякого первенства и всякого властвования в Церкви: «... Кто хочет между вами быть бóльшим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Мф. 20; 25-27). Только следуя этой заповеди Спасителя, мы можем явить в жизни Церкви то подлинное единство по образу Пресвятой Троицы, о котором Сын Человеческий молился Своему Небесному Отцу: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир...» (Ин. 17; 21).

В **заключении** ко всей работе сформулированы общие итоги исследования, указаны рекомендации и перспективы по дальнейшей разработке темы.

**СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ
ДИССЕРТАЦИИ:**

Статьи в изданиях, входящих в Общецерковный перечень рецензируемых изданий, в которых должны публиковаться результаты исследований соискателей церковных ученых степеней доктора богословия, доктора церковной истории и кандидата богословия:

1. *Суворов В., священник.* Новейшие документы РПЦ и РКЦ по вопросам границ Церкви и церковного единства // Труды Коломенской Духовной Семинарии. Вып. 3. М.: Русский раритет, 2008. С. 7-147. [Канд. дисс. в МДА (2006). Оригинальный текст: Новейшие документы РПЦ и РКЦ по вопросам границ Церкви и церковного единства: Канд. диссертация. МДА. Сергиев Посад, 2006. Машинопись.] – 9,5 п.л.
2. *Суворов В., священник.* Православно-католический богословский диалог на современном этапе // Труды Коломенской Духовной Семинарии. Вып. 3. М.: Русский раритет, 2008. С. 148-159. – [Доклад на IX научно-богословской конференции в Коломенской Духовной Семинарии]. – 0,84 п.л.
3. *Суворов В., священник.* К вопросу о значении 34-го Апостольского правила и 9-го правила Антиохийского Собора // Труды Коломенской Духовной Семинарии. Выпуск 7. М.: Русский раритет, 2012. С. 98-112. – 1,0 п.л.
4. *Суворов В., священник.* Вопрос о митрополичьих округах на Поместном Соборе 1917-1918 гг. в контексте современных церковных преобразований // Труды Коломенской Духовной Семинарии. Выпуск 8. М.: Русский раритет, 2013. С. 65-75. – 0,7 п.л.
5. *Суворов В., иерей.* Проблема первенства в трудах протопресвитера Николая Афанасьева // Церковь и время. № 3 (64). М.: ОВЦС МП, 2013. С. 111-154. – 2,2 п.л.

6. *Суворов В., прот.* Проблема первенства в трудах протопресвитера Александра Шмемана // Церковь и время. № 2 (71). М.: ОВЦС МП, 2015. С. 193-250. – 2,6 п.л.
7. *Суворов В., прот.* Идея «Москва – Третий Рим» в спорах о первенстве Константинопольского и Московского Патриархатов в XX веке // Социология. № 2. М., 2015. С. 54-63. – 0,8 п.л.
8. *Суворов В., прот.* Постановление Святейшего Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета Православной Российской Церкви 1920 года и его роль в юрисдикционных спорах русской церковной эмиграции // Вестник челябинского государственного университета. История. Вып. 66. № 24 (379). 2015. С. 182-189. — 0,86 п.л.
9. *Суворов В., прот.* Влияние православных богословов русского происхождения на реформу католической экклезиологии в XX веке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 11 (2). 2015. С. 152-155. – 0,4 п.л.
10. *Суворов В., прот.* Развитие католического учения о папском примате во второй половине XX века и его оценка в трудах русских православных богословов // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7. № 7. Ч. 2. 2015. С. 84-91. – 0,9 п.л.
11. *Суворов В., прот.* Церковно-канонические и экклезиологические взгляды протопресвитера Михаила Польского и их роль в юрисдикционных спорах русской церковной эмиграции // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». № 3. 2016. С. 51-55. – 0,7 п.л.
12. *Суворов В.Г.* Идея постоянного Всеправославного Синода в Русском Православии конца XIX - начала XXI века // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 9. № 4. Ч. 1. 2017. С. 81-91. – 1,0 п.л.
13. *Суворов В.Г.* Дискуссия о территориальном и национальном принципах церковного устройства в русском православии XX века // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 9. № 5. Ч. 1. 2017. С. 109-120. – 1,1 п.л.

14. *Суворов В.Г.* Дискуссия о границах применимости 34-го Апостольского канона в русском православии 20 века // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». № 9. 2017. С. 21-24. – 0,5 п.л.
15. *Суворов В.Г.* Каноны Халкидонского Собора как обоснование прав Константинопольского Престола на диаспору в русской православной традиции 20 – нач. 21 в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». № 12. 2017. С. 69-74. – 0,87 п.л.

Публикации в других изданиях:

16. *Суворов В., свящ.* Дискуссия о восстановлении патриаршества на Поместном Соборе 1917-1918 гг. и некоторые актуальные проблемы высшего церковного управления в Русской Православной Церкви. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2271021.html> (дата обращения: 25.11.2011). – 1,5 п.л.
17. *Суворов В., свящ.* К вопросу о значении 34-го Апостольского правила и 9-го правила Антиохийского Собора. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2607957.html> (дата обращения: 07.07.2012). – 1,0 п.л.
18. *Суворов В., свящ.* Вопрос о митрополичьих округах на Поместном соборе 1917-1918 гг. в контексте современных церковных преобразований. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2813585.html> (дата обращения: 13.09.2012). – 0,7 п.л.